

А.П. Скафтымовым (Поэтика и генезис былин. Саратов 1994. С.153). Благословение – мотив, который вызывает симпатии к герою. Оно привлекает слушателей, показывая духовность героя. Благословение в соответствии с центральным заданием былин возвеличивает богатыря. Стабильность данного мотива, его место в композиции, как видим, зависит от значения его в эпическом событии. Таким образом, мотив благословения зависит от традиций жанра. Именно жанром задается не только своеобразие героев, но и специфика композиционных средств. Как отмечал В.Я. Пропп, не только «структура каждого из жанров различна», но и различны в их структуре положение и роль одних и тех мотивов, что и показано исследованием мотива благословения. Данный мотив свидетельствует, что принадлежность к жанру не простая формальность, жанр определяет всю художественную ткань, «иногда очень тонкую, особенно в мелких и мельчайших деталях, которые могут вызвать восхищение мастерством, доставить огромное эстетическое наслаждение...» (Пропп В.Я. Поэтика фольклора. Собрание трудов. Л., 1998. С.36–37).

© Е.Н. Харитонов
Екатеринбург

ПОНЯТИЕ ДЕВИЧЬЕЙ СУДЬБЫ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ КАРТИНЕ МИРА (по фольклорно-этнографическим материалам)

Наша работа представляет собой попытку осмысления, выявления структуры и некоторых свойств понятия девичьей судьбы в русской народной картине мира.

Изучению национальной специфики картины мира посвящен целый ряд исследований (Е.С. Яковлева¹, Г.Д. Гачев², Т.В. Цивьян³ и др.). Особенно активно сегодня изучаются основные понятия «практической философии» (Н. Д. Арутюнова⁴) человека: своего рода культурного слоя, посредничающего между миром и человеком. К числу таких понятий относится понятие судьбы.

Так как деление людей по половозрастному принципу пронизывало традиционное сельское общество⁵, изучение понятия судьбы в русской народной картине мира необходимо осуществлять с учетом половозрастного аспекта.

В результате нашей работы мы пришли к следующим выводам:

1. Главные сущностные характеристики понятия девичьей судьбы – предзаданность и неизвестность.

2. Эти свойства судьбы становятся доминирующими, определяющими специфику мироотношений, этические установки и стереотипы поведения девушки в бытовой и ритуальной сферах. Это обусловлено тем, что в

народной картине мира понятие судьбы соотносилось с темой брака и, шире, с понятием любви. Так, в словаре В. И. Даля читаем: «Суженый – роковой; все, что делается судьбою, по судьбе, что суждено или сужено провиденье; суженый, суженая – жених, невеста, будущие супруги...»⁶

3. Традиционное народное мировоззрение являло собой синтез трех начал: космического, социального (общественного), индивидуального, поэтому понятие девичьей судьбы может рассматриваться на трех уровнях: на уровне Космического – на материале календарной обрядовой поэзии; на уровне Социального – на материале хороводов, посиделок, свадебного обряда; на уровне Индивидуального – на материале необрядовой лирики (любовные песни и частушки). Очевидно, что «основной творческой единицей изучения»⁷ становится жанр. Исходя из того, что «жанр соединяет в себе содержательные и формальные признаки и что соединение их осуществляется на основе целеустремленного воплощения содержания»⁷, мы в ходе нашей работы пытались выявить, как тот или иной жанр через свои содержательно-формальные возможности, функциональные задачи реализует отношение Судьба-Брак(=любовь). При этом обнаружилось, что в жанрах устного народного творчества, в формах общения молодежи актуализируются различные формы реализации противопоставления свое-чужое. Для человека традиционного общества заключение брака, соответствующего календарной обрядности и, следовательно, приуроченного к празднику, свадьба – не дело частной жизни, а звено в жизни социально-космической. Это состояние всей природы и, соответственно, Космоса, из которого человек себя не выделял. Так, на уровне Космического (календарно-обрядовая поэзия) реализуются оппозиции: мужской–женский (зимний солнцеворот–летний солнцеворот); девичество (настоящее положение девушки) и замужество (будущий ее статус, который предзадан и непознан); небесное–земное (сакральное–профанное; однако, соотношение здесь осуществляется не по принципу противопоставления, а скорее, по принципу соответствия. Человек сохраняет сакральную причастность к половозрастным изменениям Космоса). Жизненные нормы в модели поведения девушки регламентировались традиционным народным сознанием. Семья воспринималась как хозяйственная и правовая основа правильного (традиционного) образа жизни, отсюда и ориентация системы поведения молодежи в брачный период на развитие тех отношений, которые должны завершиться вступлением в брак. Так, на уровне Социального (хоровод, посиделка) актуализируются следующие оппозиции: девичье–женское (этика поведения в хороводе; например, его состав); женское–мужское (девушки–парни, участники хоровода); старшие девушки–младшие девушки (этика поведения в хороводе менялась в зависимости от очередности сестер на выданье); парни своей–чужой общины («дозволенное» в хороводе и на посиделке для тех и других существенно различалось); молодой–старый (в темах и сюжетах хороводных песен молодой или старый муж).

На уровне Индивидуального (на материале необрядовой лирики – любовные песни и частушки) также находят свое отражение оппозиция

женский–мужской, причем она постоянно пересекается с оппозицией личное–коллективное. Эти противопоставления связаны с тематикой и сюжетикой любовных песен (конкретные жизненные ситуации: измена возлюбленного, его отъезд, девичья тоска, слезы и т.п.).

В частушках понятие девичьей судьбы на уровне Индивидуального наиболее полно нашло свое отражение, так как именно этот жанр оказался в состоянии передать все тончайшие нюансы любовного чувства, реальные человеческие эмоции, всевозможные переживания отдельной личности в их индивидуальной неповторимости. Здесь также отразилась оппозиция личное–коллективное. Мы попытались выявить ее в развитии эпитета: изобразительные эпитеты традиционных лирических песен («красно солнышко», «ясный сокол», «белая лебедушка») уступают место эмоционально-выразительным эпитетам («бедная головушка», «думушки тяжелые», «злая свекровь»), а затем и нетрадиционным, сугубо индивидуальным («милый окаянный», «милый бестолковый», «дрolia – яблочко садовое»).

4. Встреча девушки с судьбой происходит во время свадьбы (имеется в виду целостный обрядовый комплекс). Свадьба представляет собой некий маргинальный хронотоп, где пересекаются следующие оппозиции: мужской–женский, свой–чужой, жизнь–смерть (ритуальная смерть девушки и ее рождение в новом статусе и для новой жизни). Так, в негативной оценке брака соединяются три компонента: (1) интерпретация брака как смерти невесты (мифологический, ритуальный, Космический уровень); (2) разлука с семьей и своей деревней (Социальный уровень); (3) разлука с подругами (переход из девичьей группы в группу женскую; обретение нового статуса, рождение для новой жизни – Индивидуальный уровень). Таким образом, свадьба становится моментом реализации девичьей судьбы, наполнением ее, до сих пор предельно абстрактной, конкретным личностным содержанием. В свадьбе наиболее полно реализуется развернутая система бинарных оппозиций: свой–чужой, мужской–женский, старший–младший, старый–молодой, женское–девичье, своя–чужая община, личное–коллективное. Структурообразующим центром этой системы являются соотношения Судьба–Любовь, Судьба–Жизнь, Судьба–Смерть и, шире, Жизнь–Смерть–Жизнь.

Примечания

1. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). – М., 1994.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М.: Академия, 1998.
3. Цивьян Т.В. Лингвистические особенности балканской модели мира. – М.: Наука, 1990.
4. Понятие судьбы в контексте разных культур/под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1994.
5. Беряштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–начала XX века. Половозрастной аспект традиционной культуры.